

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 327

Е.И. Зелнев

ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПОЛЯ: ТЕОРИЯ ВОПРОСА*

Объективность — надменна. Ослабить эту надменность людям удается с помощью понятий, обобщающих их знания о человечестве. Стремясь свести множество к единству, человеческая мысль обретает психологическую устойчивость, формулирует законы, правила, принципы — парадигмы научного знания. Увы, они не вечны, а, как правило, и недолговечны, но без них поступательное движение науки едва ли возможно. Всякое «новое» с неизбежностью становится привычным, постепенно превращаясь в опору сложившейся самобытности. Это явление Эрик Хобсбаум остроумно назвал «изобретенной традицией» (1983 г.), показав, что человечество нередко оказывается в плену собственных иллюзий, веря, что желаемое — это и есть действительность, или наоборот, наделяя действительность свойством чудодейственности [6, 12, 26].

К такого рода понятиям, грозящим со временем стать «изобретенной традицией», относятся понятия «геокультурное пространство» и «геокультурное поле». Они обладают макросоциальным обобщающим потенциалом, т. е. могут быть применены к человечеству в целом. Трудность состоит в том, что нужно представить человечество как целое вопреки тому, что его реальное бытие дифференцировано и фрагментировано всем ходом эволюции [7, 19]. Разрешение этого противоречия — нахождение способа «сборки» того, что находится в «разобранном» состоянии, — с применением вышеназванных понятий и составляет главную задачу предлагаемой статьи.

Обнадеживает, что объектом обобщающего мыслительного конструирования будут явления культуры. Дело в том, что обобщение — это всегда осознанное или подсознательное стремление к единству, а, согласно мнению Фернана Броделя, «единству культура всегда говорит “да”, экономика — почти “да”, политика остается сдержанной» [3; 6,

*Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© Е. И. Зелнев, 2009

43]. В рассматриваемых понятиях важной составляющей выступает культура, любящая единство и стремящаяся к нему.

Другой важный компонент рассматриваемых понятий — пространство. Познание земной поверхности в ее пространственных реалиях составляет суть хронологической концепции выдающего немецкого географа Альфреда Геттнера, автора книги «География. Ее история, сущность и методы», опубликованной в Германии в 1927 г., а в СССР — уже в 1930 г. В этой работе А. Геттнер ставит важный вопрос о соотношении пространства и времени в научных исследованиях. «География, по самому определению своего понятия, ограничена, строго говоря, рассмотрением настоящего; рассмотрение процесса развития она предоставляет исторической геологии, доисторическим наукам и истории с ее частными дисциплинами». География, по мнению Геттнера, — это пространственная наука в том смысле, в каком история есть временная наука. Такое деление весьма условно, поскольку объяснить причину явления часто бывает невозможно без исследования его генезиса, хотя бы он сам по себе непосредственно нас и не интересовал. Необходимо учесть, что многие изменения происходят слишком быстро, а рассмотрение настоящего, в строгом смысле слова, дает лишь моментальный снимок, недостаточный для научного анализа; поэтому истинное знание фактов может быть достигнуто только при рассмотрении явления в течение более или менее продолжительного промежутка времени» [4, 115, 196, 213].

Д.Н. Замятин, анализируя концепцию Геттнера, приходит к двум важным выводам. Во-первых, время присутствует в исследовании пространства как необходимость построения генетической концепции, позволяющей в максимальной степени выявить пространственные различия. Во-вторых, изучение пространственных реалий требует выявления пространственных различий путем районирования и регионализации пространства. Районирование — естественное деление, тогда как регионализация — это искусственная классификация [5, 20–21].

Адекватное реальности исследование пространства достигается в рамках пространственно-временной парадигмы исследования. Причем длительность рассматриваемых временных отрезков и географические границы исследуемой части пространства — в значительной мере результат выбора научной идеологии исследования. Научная идеология — это концентрация исследовательского внимания на определенной идее, закрепление которой в сознании, хотя бы и на другом, новом, уровне, составляет стратегическую цель этой идеологии.

Одним из важнейших средств формирования научной идеологии выступает аналогия. Суть аналогии — поиск сходств и различий непонятого явления с другими, уже понятными и относительно изученными. Благодаря аналогии поиск сходств и различий посредством идеологических процедур сравнения оборачивается обнаружением общего и особенного там, где ранее этого не замечали. Это, в свою очередь, приводит к идеологическому перевороту, когда сходства перевешивают по своему значению различия, позволяя выйти на новый уровень обобщения — заменить старую идеологию (совокупность идей в рамках одной идеологии) на качественно новую. Аналогия сопровождает идеологию, становясь одновременно и средством, и признаком идеологического переворота.

В хронологической концепции проводится аналогия между географией и историей, которая основана на принятой Геттнером классификации наук — делении их на систематические, временные и пространственные. При этом Геттнер, очевидно, исходит из

знаменитого тезиса И. Канта о том, что различие между науками обусловлено не своеобразием их объектов, а лишь различием наших точек зрения на объект. Историческая или географическая точки зрения становятся решающими только тогда, когда «время или пространство выходят на передний план, составляя связующую нить научного исследования» [5, 16; 4, 114]. Иными словами — современное исследование реальности подразумевает естественное и достаточно рациональное соединение пространственной и временной систем отсчета, в результате которого создается пространственно-временная парадигма исследования, необходимая для систематического научного изучения.

В качестве примера приведем проблему центра и периферии, которая длительное время разрабатывается в обществоведческой науке и уже стала классической для современной истории и социально-экономической географии. Примененная в историческом исследовании в определенных пространственно-временных границах, она привела к осмыслению феномена государства, империи, исторического региона и цивилизации. В политических науках, в частности в геополитике, она способствовала рождению нескольких концепций — срединных геополитических территорий, геополитических силовых полей, в экономике — больших экономических пространств и т. д.

Важней методологический этап перехода от отдельных идей к научным концепциям и теориям — формирование «образов» — мыслительных схем, весьма далеких от реальной жизни, но опосредованно отражающих важные стороны бытия. К числу таких образов относится концепция национальных государств, родившаяся в исторической науке из идеи центра и периферии. Современный исследователь политических процессов Джеффри Паркер утверждает, что национальные государства в Западной Европе — это миф, поскольку практически все они представляют собой либо объединение различных этносов, либо осколки более крупных этнических групп. Теория наций, по Паркеру, была изобретена европейскими буржуазными государствами как средство самосохранения путем навязывания этнических особенностей господствующего этноса зависимым от него этническим группам. Так парижское ядро французского срединного пространства навязало свою политическую волю и культуру весьма разнородным в этническом отношении группам населения — от каталонцев на юге до нормандцев на севере. Великобритания, имевшая политическим центром Лондон, объединила в своем составе ирландцев, шотландцев, йоркширцев и т. д. и это только в пределах островной части страны, не говоря уже об обширных колониальных владениях. Столь же зыбким было этническое единство германских земель, вошедших в состав Германской империи в XIX в.

Ни одно государство Востока не знало идеи национального единства и не соответствовало представлениям о национальном государстве. «Единая арабская нация» раздроблена на более чем два десятка независимых государств, а четырехмиллионный арабский Ливан представляет собой мозаику из более десятка этноконфессиональных общностей, находящихся друг с другом в весьма непростых отношениях. Даже такое консолидированное, по европейским понятиям, государство, как Египет, в действительности предстает внутренне противоречивым объединением северного и южного регионов, жителей оазисов и многомиллионного нубийского этноса. Единая египетская нация — это политический миф, подкрепленный особыми геополитическими условиями страны. Этноконфессиональная бинарность или даже многополярность характерны для Китая, Вьетнама, не говоря уже о поликонфессиональной и полилингвистичной Индии.

Историческая наука, опираясь на страноведческие образы, проделала колоссальную работу по воссозданию исторического прошлого государств мира. Однако сегодня она переживает методологический кризис, вызванный переходом от государственно-центристского к внегосударственному пространственному методу исследования. Аналогичные проблемы стоят и перед географической, политической, экономической и юридической науками, длительное время эффективно развивавшимися в пределах страноведческой парадигмы. В то же время в сфере гуманитарных наук сложились традиции образного конструирования, прежде всего в филологии и языкознании, психологии, этнологии, политологии, искусствоведении, архитектуре и востоковедении.

Востоковедение вообще заслуживает особого рассмотрения, поскольку это едва ли не первая и до настоящего времени единственная наука (если не считать географии), которая в качестве объекта исследования имеет пространство — афро-азиатский регион в контексте его культурного развития в самом широком смысле этого понятия. Востоковедные образы (азиатский способ производства, восточная деспотия, конфессиональный универсализм, концепция традиционализма и пр.) позволяют перейти от изучения единичных явлений к масштабным процессам, подвластным изучению с помощью пространственно-временной парадигмы и соответственной научной идеологии. В результате наряду с реальными объектами исследования, которые можно определить с помощью понятий и категорий, могут рождаться научные образы, обособленные от своих реальных прототипов, но способные вести независимую жизнь в специфическом анаморфированном пространстве — искусственной среде, порожденной энергией мышления. Научные образы отличаются от концепций, идей, понятий и категорий тем, что имеют самостоятельную ценность, выступают «новым знанием», способным влиять на характер научного мышления, а опосредованно — и на реальный мир.

Признание научных образов реально существующими и наделенными свойствами субъектности приводит к пониманию того, что идеал средневековой науки и, в большей степени, науки Нового времени — *imago mundi*, образ мира — в ситуации постмодерна недостижим и в то же время излишен. Вместо прежнего единого образа мира (концепции трех миров, биполярности, миросистемности и т.д.) приходит множественность образов миропонимания, каждый из которых создает самостоятельную пространственную версию мира, не отрицая другие. Д.Н. Замятин, определяя современное состояние научного поиска, вводит понятие культурно-географического образа, частным случаем которого выступают геоэкономические, геосоциальные, геополитические или геокультурные образы.

«Гуманитарные науки эпохи постмодерна имеют дело с объектами исследования, структура которых отличается от традиционных. Эти объекты порождают собственные пространства, являющиеся условием и фактором их развития и исследования. Финансовые и информационные потоки, литературные и живописные произведения, локальные культурные сообщества, политические переговоры создают “приватизированные” географоидные пространства, репрезентируемые и интерпретируемые как специфические геоэкономические, геокультурные, геополитические образы. Экономика, культура, политика понимаются как геоэкономика, геокультура, геополитика. В гуманитарно-научном плане наиболее эффективно понимание экономики как геоэкономики, культурологии как геокультурологии, политологии как геополитологии и т. д.» [5, 64].

Каким образом политические переговоры могут создать анаморфированное (искус-

ственное) пространство — географоидный образ и как этот образ может повлиять на реальный мир? Общеизвестно, что США энергично моделируют единое экономическое пространство североамериканского континента — союз государств НАФТА (США, Мексика, Канада). В этом можно увидеть стремление США к региональному господству, а можно — естественное стремление к панконтинентальной интеграции. Можно провести аналогию с Южной Америкой, где также идут интеграционные процессы с той лишь разницей, что лидерство одной страны там не столь очевидно. А что, если перенести этот образ на другие континенты и попытаться представить карту региональных объединений всего мира? Не выяснится ли тогда, что панконтинентальные объединения формируются повсеместно, так же как формируется клуб региональных лидеров, который вовсе не заинтересован в создании единого мирового пространства, а напротив, ищет средства для консервации региональной замкнутости и своего лидирующего статуса в регионе? Попробуем в качестве вывода предложить гипотезу, согласно которой мир представляет собой пространство, в котором объективный интеграционный потенциал рядовых стран противостоит дезинтеграционной воле клуба региональных лидеров, а интеграционный потенциал отдельной личности многократно превышает интеграционные потенции отдельного государства. В созданном нами образе анаморфированного глобального пространства на первый взгляд однонаправленные векторы интеграционных потенциалов личности, страны и страны-лидера региона на самом деле не обязательно суммируются, а могут действовать параллельно и даже взаимоисключаяще, указывая на несколько принципиально разных путей глобальной интеграции. Применение пространственной парадигмы приводит к выводу, что чем большее пространство контролирует субъект политической интеграции, чем выше его интеграционный потенциал, тем менее он заинтересован в завершении глобальной интеграции, поскольку утрачивает преимущества, полученные им на промежуточных этапах интеграционного процесса.

Еще показательнее пример анаморфированного пространства в сфере культуры. Пока еще никто не рискнул создать карту геокультурных пространств, т. е. карту, в основу которой ляжет принцип архетипичности культур. Создание такой карты, скорее всего, перевернет наше представление о мире и о нас самих, поскольку геокультура — это одно из самых мощных и универсальных понятий, изобретенных человечеством за всю его историю. Впервые это понятие введено в научный оборот и продуктивно использовано в трудах И. Валлерстайна около двадцати лет назад [1; 2]. Применение понятия «геокультура» с целью пространственного моделирования мира создает альтернативный (неполитический, неэкономический, неэтнический и т. д.) образ глобального мироустройства, способный оказать решающее влияние на выбор пути глобальной интеграции. Формирование геокультурных образов имеет аналогию с практикой путешествия, поскольку допускается любой ракурс подхода, коль скоро он реализуем. Культурно-географические образы — это максимальная визуализация и вербализация культуры и в то же время целенаправленная, максимально визуализированная и вербализированная географизированность пространства, которое в этом случае выступает как средство репрезентации и интерпретации самой культуры [5, 66]. Геокультурный образ выявляет рельеф культуры, одновременно сам представляя собой культуру в ее высшем проявлении. Одним из таких геокультурных образов выступает теория цивилизации. Понятие «цивилизация» впервые введено в научный оборот в 1774 г. маркизом Де Мирабо и со временем стало мощным стимулом культурологических и истори-

ческих исследований в масштабах всего человечества на протяжении всего периода его существования.

Геокультура — серия культурно-географических образов, интерпретирующих локальные геокультурные пространства. Образы геокультуры рассматриваются преимущественно в контексте процессов глобализации и регионализации, под углом зрения межкультурных и межцивилизационных адаптаций. Образы геокультуры имеют в фундаменте максимально широкий охват проблем мирового развития. Наряду с изучением культурных архетипов локального и регионального масштаба геокультура охватывает широкий спектр проблем геополитического, геоэкономического и геосоциального характера. Более высокий уровень обобщения приводит к сближению геокультуры с различными аспектами развития мировых и локальных цивилизаций, поскольку значительная их часть может рассматриваться как тот или иной вариант геокультуры или геокультур. Концептуальное понимание геокультуры требует выделения в ее корпусе локальных геокультур или геосубкультур, обладающих акцентированной специфичностью: политической, социальной, экономической, духовной, религиозной, военно-прикладной (боевые искусства) и т. п. Геосубкультура может иметь срединное значение — пространственно организующее, а может носить маргинальный, пограничный, местный, неустойчивый характер. Определенные место, район, страна и регион имеют собственный геокультурный потенциал, питаемый духовной энергией населения и географическими свойствами освоенного ими пространства.

Геокультура как феномен репрезентируется в форме мыслительного образа — системы знаков, символов, характеристик, фиксирующих особенности развития и функционирования тех или иных культур, локализованных географически и рассматриваемых в контексте тех или иных цивилизаций с тенденцией к глобальному осмыслению синтезированной информации. Рождение геокультурного образа обусловливается не только логикой его внутреннего строения, но и воздействием смежных (пограничных) геокультурных образов. Например, в формировании геокультурного образа Османской империи кроме собственно Малой Азии в ее византийской и поствизантийской версиях принимали участие геокультурные образы арабо-исламского мира Ближнего Востока и Северной Африки, тюркского кочевого ареала Центральной Азии, а также преимущественно христианской Южной и Восточной Европы, островных территорий Восточного и Центрального Средиземноморья, Черноморского региона и Кавказа.

В геокультуре пространственный фактор иногда отходит на второй план, уступая место мощной духовной, политической или экономической доминантам. Например, образ геокультуры может порой сливаться с «излучающей» геокультурные образы религией (ислам, буддизм, католичество, протестантизм). Как правило, это происходит тогда, когда религия вступает в тесное взаимодействие с политическими и социальными сферами жизни общества. С помощью механизма сакрализации религия «замораживает» определенные стереотипы заученного поведения и искусственные формы, включая их в сферу своей опеки. В этом случае возникает парадоксальный на первый взгляд, однако в высшей степени эффективный симбиоз религии с геокультурой (элементы культуры, закрепленные за определенным пространством) и светской духовностью (элементы культуры, закрепленные в сознании определенного социума).

Собственные геокультуры репродуцируются и большими империями, формирующими свои культурные круги (центро-периферийные модели-образы). Например, в позднее Средневековье подобные модели-образы возникли на почве Османской, Рос-

сийской, Британской и Французской империй, стремившихся поделить между собой пограничные пространства, нередко существенно удаленные от имперских геокультурных центров. Конечно, «за спиной» подобных империй стояли, как правило, крупные цивилизации, которые порождали одну или несколько геокультур, опиравшихся на тот или иной набор цивилизационных ценностей [5, 70–72].

Переход от геокультурного образа к образу геокультурного пространства — результат энергичной аналитической работы. Дело в том, что образы геокультуры, как правило, имеют эфемерную, изменчивую привязку к пространству, обладают духовным «превосходством» над материальной средой существования, тяготеют к духовной автаркии (но никогда полностью не достигают ее). Именно в этой борьбе духа и материи рождается энергия культурного созидания, которая приобретает исторический (т. е. пролонгированный во времени) смысл исключительно благодаря материальному воплощению — звуковому, визуальному, мануальному или иному.

Физические параметры материальных воплощений культуры могут улавливаться и фиксироваться сознанием в пространстве — это важнейший критерий устойчивости и стабильности культурных доминант, архетипов, ценностей. Геокультурное пространство — это огрубленный синтезированный образ геокультуры и духовной культуры, образ, который минимально учитывает диффузионные процессы взаимопроникновения культур посредством отдельных индивидов, но максимально концентрируется на феномене деперсонифицированной культуры. Поэтому геокультурное пространство обладает географической определенностью, что дает возможность не только осмысливать образы культуры, но и видеть их зрительный образ на карте. При этом географическое визуальное изображение культуры сравнимо с тенью, которую предмет (в нашем случае культура) бросает на некую поверхность: по этой тени можно составить общее представление о предмете, но нельзя изучать его структурное содержание.

Геокультурное пространство имеет много общего с геополитическим, геоэкономическим и геосоциальным, поскольку во всех этих образах присутствует пространственный подход при изучении основного предмета исследования. Ядро геокультурного пространства с высокой долей вероятности следует искать там, где происходит взаимное наложение друг на друга геополитической, геоэкономической и геосоциальной образно-географических матриц. Образ геокультурного пространства нередко угадывается в контурах именно геополитического пространственного образа, поскольку господствующий в отдельной стране культурный архетип, как правило, получает политическую поддержку государства. Из возможного множества приведем лишь один пример. Политическая культура США в качестве базовой культуровой ценности имеет принцип электоральной демократии, утверждение которого без мощной государственной поддержки едва ли стало столь триумфальным, поскольку даже в самих США президентства порой достигают лица скорее удачливые, чем способные и подготовленные к этой высокой миссии. Субкультурные образования также нередко имеют геополитическую «огранку», хотя на них преимущественно могут оказывать влияние особенности экономической и социальной систем общества.

Важной методологической особенностью образования геокультурного пространственного образа становится феномен «запаздывающего осмысления», при котором создание геополитических и геосоциальных образов, базирующихся на геокультурном и геоэкономическом фундаменте, происходит посфактумом — уже после поглощения территории срединным геополитическим пространством. Иными словами, объек-

тивное содержание геокультурного пространства может не совпадать с его образным выражением, более того, испытывать корректирующее влияние последнего. На почве одного геокультурного пространства могут возникать два и более различных, даже взаимоисключающих, геокультурных образов этого пространства. Эти образы нередко приобретают идеологические черты (акцентирование определенных идей с целью их закрепления в сознании личности) и используются различными социальными силами в политической борьбе. Таким образом, геокультурное пространство — это объективная реальность, а образ геокультурного пространства — это результат его субъективного осмысления. Исходя из этого, дадим базовые определения этим понятиям.

Геокультурное пространство — система устойчивых культурных реалий и представлений о них на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира [5, 70].

Образ геокультурного пространства — продукт мыслительной деятельности, опирающийся на культурные реалии, но не тождественный им. Границы такого образа обычно не наносятся на географические карты, его контуры не имеют строгой очерченности и подвержены динамичным изменениям, это — пульсирующая субстанция, имеющая ядерное строение (ядро и периферия), многокомпонентную структуру (систему ценностей и образов, закрепленных и репродуцируемых социальными, политическими, экономическими, духовными средствами), субструктурное основание в виде различных субкультур и высокий потенциал самодостаточного существования в анаморфированном пространстве. Виртуальное пространство, созданное компьютерными технологиями, — это лишь одно из многих возможных технических воплощений анаморфированной среды, в которой геокультурные образы пространства имеют право на самостоятельное существование и развитие.

«Технологичность» понятия геокультурного пространства и его образов позволяет воспроизводить, «клонировать» образные модели, насыщая их разным содержанием, но не меняя исследовательской идеологии (например, разрабатывать карту религиозных геокультурных пространств, или исследовать специфику геокультурной пространственной самоидентификации этносов, или выявлять пограничные зоны между «ядерными» системами срединных геополитических пространств, используя метод цивилизационного анализа).

Геокультурное поле — это субстанция, предшествующая образу геокультурного пространства. В основе исследовательской идеологии образа геокультурного пространства лежит принцип дедуктивного анализа, т. е. выявления частей целого (культурных факторов) с последующим наложением на них пространственно-временной исследовательской парадигмы. Это позволяет увидеть фактор культуры как феномен, т. е. в контексте конкретной исторической ситуации и в границах определенного географического пространства. Продуктивность данного метода состоит в том, что он позволяет с высокой долей вероятности допускать воздействие данного культурного феномена на отдельную личность и социальные группы там, где нет иных свидетельств этого.

Образ геокультурного поля рожден иной исследовательской идеологией. Суть ее в том, что отдельные компоненты культуры (в духовной, политической, экономической и социальной сферах), прошедшие феноменологическое осмысление, складываются в систему — культурный архетип, который, в свою очередь, рассматривается как некое

«новое целое» — образ-феномен. В рамках исследовательской идеологии допускается, что этот образ-феномен имеет свои временные рамки — стадии роста или жизненные циклы, «место жительства» — предельно возможную локализацию в географическом пространстве и, главное, проистекающее из представления о его целостности и самодостаточности свойство объективности. Имея своим продуктом культурный архетип и образы культуры, геокультурные поля отличаются друг от друга доминантными признаками, создающими при взаимодействии некую разность энергетических потенциалов — духовное «напряжение». Подобно тому как в естествознании преобладает понимание поля как среды, предшествующей материализации бытия. В пространственно-временных исследованиях образ геокультурного поля — это та среда, в которой происходит возникновение очагов культуры, ядерных основ цивилизаций и цивилизаций как таковых. Образ геокультурного поля по сравнению с образами геокультуры и культуры в целом имеет собственную «архитектурную идею». Ее главная особенность — преобладание малых форм над монументальными конструкциями, мимолетных идей-символов над тяжеловесными культурными идеологемами. Скрипящие сандалии у йеменцев, звук которых отпугивает змей, — основа для многопланового ассоциативного ряда, позволяющего увидеть йеменца-негорожанина в естественной среде обитания, где угроза исходит от каждого камня, куста, затененной пещерки, не говоря уже об угрозе встретить врага из породы *Homo sapiens*, которого скрипучими сандалиями не напугаешь, а понадобится кривой йеменский кинжал-джамбийа — обязательный атрибут национального костюма. Кстати сказать, по количеству огнестрельного оружия на одного человека первое место в мире занимают США, затем следует Финляндия, а потом — Йемен. И поражает, как культурологически по-разному понимается каждой из этих стран их «сверхвооруженность».

А какие ассоциации вызывают «поющие» (скрипучие) полы во дворце Токугавы в Киото? Правитель средневековой Японии жил под страхом быть убитым наемниками, и этот страх был воплощен в архитектурных формах, став частью повседневного быта: скрипучие полы должны были указать, что в доме чужой и не дать никому возможности подкрасться незаметно. Другой пример — османский кривой полукинжал, полумеч — ятаган. Уникальное оружие, у которого колющая поверхность была подобно серпу по внутренней поверхности дуги клинка. Почему? Оказывается, ятаган в отличие от большого меча разрешалось проносить во внутренние покои дворцов как атрибут верхней мужской одежды. Драться им надлежало в ограниченном пространстве комнат и коридоров, поэтому орудовать им предстояло как топором, отсюда и необычная заточка клинка, и демонизация его боевых свойств, сделавшая ятаган символом османской воинственности. За этим стоит огромный пласт османской военной культуры, которая доминировала в Османской империи над культурой гражданской. Геокультурное поле заполняется на первый взгляд малозначительными (элементарными) деталями повседневности — словарно-терминологическая оснащенность жизнедеятельности, этнографические особенности быта, первичные формы политической, экономической и социальной организации жизни, поведенческие и психологические стереотипы, духовные пристрастия и душевные привязанности, привычки и обычаи субэтнического (локального) характера и многое другое. Именно видимый хаос геокультурного поля позволяет перейти к беспристрастной и свободной от догматизма систематизации материала в границах геокультурного пространства с последующим выходом на уровень образов культуры и концептуальных производных более высокого уровня. Такова, на

наш взгляд, методологическая основа теории геокультурных полей, предполагающая переосмысление представлений о локальных культурах и мировой культуре в рамках пространственно-временной парадигмы исследования.

Первый шаг на этом пути — отказ от априорного представления о том, что любая локальная культура есть результат генетической эволюции предшествующих (в нашем понимании) и основа создания грядущих форм культурной жизни. Реконструирование неизвестных нам элементов геокультурных полей с помощью известных образов культуры — недопустимо, ибо ведет к подмене реальности вымыслом, поскольку любые образы культуры — это результат обобщения, тогда как геокультурное поле — первичная среда, «строительный материал» культурологического синтеза, а следовательно, оно обладает свойством самодостаточности.

Второй шаг — признание «универсальности» геокультурного поля, способного формировать огромное множество «уникальных геокультурных моделей». Иными словами, геокультурное поле обладает свойством объективности, тогда как переход к геокультурной модели — субъективный процесс образования. В этом контексте определение «уникальный» становится синонимом «случайного» и тем самым обретает ценность лишь как неповторимое, но не универсальное.

Естественный способ «усилить» универсальность и объективность культурного образа — изменить его пространственно-временную парадигму, расширив ее. Дело в том, что образы культуры тяготеют к пространственно-временной автаркии, что создает иллюзию их вселенской универсальности и вечности. Однако стоит только перевести образ культуры в образ геокультуры с присущей ему пространственной определенностью, как видимость универсальности и вечности уступает место свойствам локальности и изменчивости. Все известные в настоящее время мегагеокультурные образы тяготеют к мировым религиям, претендуют на универсальность, но универсальными, очевидно, не являются.

Суть современных межкультурных коммуникаций — поиск и выделение культурных архетипов, адаптация их к пространственным реалиям в рамках концепции геокультурного поля с последующим преобразованием его в геокультурный образ и поиск средств для достижения совместимости этого образа с другими геокультурными образами иных геокультурных полей.

Литература

1. Wallerstein I. *After Liberalism*. New York, 1995.
2. Wallerstein I. *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
3. Бродель Ф. *Грамматика цивилизаций*. 1963.
4. Геттнер А. *География. Ее история, сущность и методы* / Под ред. Н. Баранского. М.; Л., 1930.
5. Замятин Д.Н. *Гуманитарная география: пространство и язык географических образов*. СПб., 2003.
6. Фуше М. *Европейская республика. Исторические и географические контуры*. Эссе. Пер. с фр. В.П. Серебренникова и Т.Н. Серебренниковой. М., 1999.
7. Чешков М.А. *Глобалистика как научное знание: Очерки теории и категориального аппарата*. М., 2005.